

УДК 2-81:316.72 (574)

**МЕЖРЕЛИГИОЗНОЕ СОГЛАСИЕ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ:
ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

К.Г. Соколовский

Рассмотрены механизмы системы государственно-конфессиональных отношений Республики Казахстан, обеспечивающие сохранение и укрепление межрелигиозного согласия. Также проанализированы причины "религиозного ренессанса" и десекуляризационных процессов, приобретающих всеобщий характер. Особое внимание уделяется опыту Казахстана в контексте полиэтничного состава его населения.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения; межрелигиозное согласие; толерантность; Казахстан; религия; десекуляризация.

**ПОЛИКОНФЕССИЯЛЫК СОЦИУМДА ДИНДЕР АРАЛЫК МАКУЛДАШУУ:
КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ТАЖРЫЙБАСЫ**

Макалада диндер аралык макулдашууну сактоону жана бекемдөөнү камсыз кылуучу Казахстан Республикасынын мамлекеттик-конфессионалдык мамилелер системасынын механизмдери каралды. Ошондой эле "диний ренессанстын" жана жалпы мүнөздөгү десекуляризациялык процесстердин себептери талдоого алынды. Өзгөчө мамиле Казахстандын тажрыйбасына; анын калкынын полиэтникалык составына бурулат.

Түйүндүү сөздөр: мамлекеттик-конфессионалдык мамилелер; диндер аралык макулдашуу; толеранттуулук; Казахстан; дин; десекуляризация.

**INTER-RELIGIOUS CONSENT TO THE POLICONFESIONAL SOCIUM:
EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

K.G. Sokolovskiy

The article considers the mechanisms of the state-confessional relations system of the Republic of Kazakhstan, ensuring the preservation and strengthening of interreligious harmony. Also the causes of the "religious renaissance" and desecularization processes, acquiring a universal character are discovered. Particular attention is paid to the experience of Kazakhstan in the context of the multi-ethnic composition of its population.

Keywords: state-confessional relations; interreligious consent; tolerance; Kazakhstan; religion; desecularization.

После провозглашения Казахстаном в 1991 г. независимости и последовавшим всплеском религиозности республика стала одной из поликонфессиональных стран мира. Особенностью сложившейся ситуации являлось то, что численность государствообразующего этноса – казахов – не превышала 40 % [1], тем самым, национальные меньшинства составили значительную долю населения.

При этом с распадом СССР начался рост национального самосознания проживающих в Казахстане народов. Этот процесс получил свое выражение не только в интересе к развитию языка, обы-

чаев, национальной культуры в целом, но также и в массовом обращении к традиционным для этносов религиям. Известный политолог М.Б. Асанбаев справедливо отмечает, что "формирование новых общественно-политических и социально-культурных реалий, вызванное крахом коммунистической идеологии и распадом СССР, обусловило рост национального самосознания и смену духовных ориентиров в постсоветском обществе, что наглядно подтверждается примером массового обращения граждан стран СНГ к религиозным ценностям и традициям" [2, с. 88].

Первая половина 1990-х гг. отмечена и активной прозелитической деятельностью представителей так называемых новых религиозных движений, именно тогда сформировавших заметный пласт своих последователей. Отметим, что миссионеры представляли как протестантские, псевдохристианские организации, восточные и мистические учения, так и нетрадиционные для Казахстана течения ислама.

Сегодня в Казахстане проживают представители 130 этнических групп, исповедующих 45 религий [3]. Религиозное разнообразие является неотъемлемым элементом свободы совести, поскольку предполагает альтернативу при выборе вероисповедания. С другой стороны, такая ситуация представляет собой в известной степени проблему во внутренней политике любого государства, поскольку известно, что конфессиональная вариативность по определению продуцирует конфликтность.

В этой связи вопросы веротерпимости становятся одними из наиболее актуальных и широко обсуждаемых. Как известно, религиозная толерантность представляет собой терпимое отношение приверженцев одной религиозной традиции (либо неверующих) к последователям другой. М.Ю. Смирнов в своем словаре “Социология религии” приводит следующее определение: “Комплексное явление общественного сознания, в котором сочетаются мировоззренческие и социально-психологические установки, допускающие правомерность множественных религиозных традиций” [4, с. 270].

Религиозную толерантность можно рассмотреть в двух аспектах – как ценность (скорее даже некий моральный идеал) и как социальную норму. При этом последняя может пониматься, с одной стороны, как единые, установленные государством “правила игры” для всех конфессий, обеспечивающие их равенство перед законом, с другой – как принцип равенства перед законом граждан вне зависимости от их вероисповедания.

Не вызывает сомнения, что обеспечивающие такую толерантность административные механизмы и социальные нормы прямо вытекают из сложившейся системы общественных отношений на конкретном этапе развития государства, степени признания гражданами либеральных ценностей, уровня их духовной культуры, а также качеством развития демократического законодательства и его правоприменительной практики.

Казахстан имеет безусловный значительный опыт межконфессионального согласия. Основной фактор здесь, как представляется, исторический. Современные исследования показывают, что клю-

чевые конфессии – ислам и христианство – сосуществуют на территории современного Казахстана ориентировочно с III в. [5, с. 18]. При этом до сих пор между их последователями не возникло сколько-нибудь значимого конфликта на религиозной почве. Отметим, что это позволяет Казахстану выступать лидером международного движения религиозной толерантности: с 2003 г. в г. Астане проводятся регулярные съезды лидеров мировых и традиционных религий. При этом базисом единения участвующих в форуме конфессий выступает корпус общечеловеческих ценностей, исповедуемых каждой из них. Данная площадка ориентирована, прежде всего, на развитие межрелигиозного согласия, толерантности и терпимости, поиск общечеловеческих ориентиров в мировых и традиционных формах религий, утверждение мира и согласия в качестве незыблемых принципов человеческого сосуществования [6, с. 4]. Съезд лидеров мировых и традиционных религий проводится каждые три года.

Сказанное свидетельствует о высокой значимости для Казахстана вопросов толерантности и межрелигиозного согласия. Сегодня это не только тренд политической культуры, но и принцип существования государства, в некотором смысле – залог его выживания. Сами казахстанцы, как показывают многочисленные исследования [7, с. 139], демонстрируют высокую степень веротерпимости. При этом характерно, что собственно уровень объективной религиозности не высок, большинство респондентов склонно идентифицировать себя как “верующие, не участвующие в религиозной жизни”. Напротив, согласно выводам исследования А.К. Султангалиевой, “доля активных верующих, вовлеченных в религиозную деятельность, остается в течение последних лет на уровне примерно 18 %” [8, с. 78].

Не вызывает сомнения, что принадлежность к той или иной конфессии воспринимается современными казахстанцами в своем большинстве скорее как стабильное идентификационное основание, нежели как акт веры, предполагающий необходимость исповедания конкретных догматов и отправления вполне определенных обрядов. Согласимся с С.Б. Алимовой, которая приходит к заключению об амбивалентности религиозной самоидентификации граждан Казахстана, а постсоветский “религиозный ренессанс” (продолжающийся и сегодня) полагает не более, чем “свидетельством повышения роли устойчивых культурно-цивилизационных характеристик в жизни как отдельного индивида, так и общества в целом” [9, с. 11].

С другой стороны, важно, чтобы стремительная десекуляризация не стала причиной роста

числа последователей деструктивных религиозных культов – псевдоисламских, псевдохристианских, эзотерических и др., – не препятствовала в значительной мере развитию в обществе межконфессионального согласия и религиозной толерантности. Отметим, что именно данный фактор называется казахстанскими учеными в качестве одного из ключевых при анализе причин активного реформирования в последние годы системы государственно-конфессиональных отношений в стране, постоянного совершенствования законодательства о религии [10].

В рассматриваемом контексте небезынтересными представляются взгляды известного американского социолога Э. Джилла. Он приходит к выводу, что религия представляет собой ключевой носитель культурной идентичности народа, при этом она же содержит высокий потенциал конфликтности при взаимодействии религиозных организаций в поликонфессиональном обществе [11, с. 47]. В этой связи исследователь полагает, что данная сфера общественных отношений исключительно важна для государства как единого выразителя интересов общества, чтобы, следуя либеральным постулатам, оставлять ее без контроля и тем самым ставить под угрозу национальную безопасность.

Религия, несомненно, должна быть отделена от государства, что декларируется, в том числе, на уровне Конституции, однако этот принцип не должен означать полный отказ от контроля уполномоченными органами власти данной сферы, взаимодействия государства с конфессиями, выстраивания схемы (легального поля) существования и деятельности таковых. Разделить государство и религию, государство и общество невозможно, а поднимать вопрос отказа светской власти от взаимодействия (влияния) на власть религиозную, с учетом негативного опыта 1990-х гг., как представляется, контрпродуктивно.

Крупнейший современный социолог П. Бергер еще в 1990-х гг., когда контрсекуляризацию и десекуляризацию конца XX – начала XXI в. уже невозможно было не замечать, в предисловии к сборнику “The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics” подвел черту под многолетними дискуссиями о якобы “смерти религии” в эпоху модерна. Эта эпоха не “убивает” религию: мир, по большому счету, “столь же яростно религиозен, каким и был всегда”. Более того, третья четверть XX в., наиболее атеистическая, как будто бы катализировала неудержимый религиозный взрыв последних 30 лет.

Теоретические выводы П. Бергера подтверждаются данными глобального исследования Института Гэллага, в котором приняли участие свыше

50 000 респондентов, представлявших 40 стран мира. Интересно 59 % назвали себя религиозными людьми, 23 – не религиозными и только 13 % – атеистами [12].

Безусловно, все опрошенные принадлежат к различным конфессиям, учения которых могут входить в противоречия. Поэтому любому государству необходима эффективная модель взаимодействия между различными религиями. Она должна базироваться на межконфессиональном согласии, терпимости, патриотизме. Мир и стабильность возможны лишь в том случае, когда гражданская ответственность, веротерпимость и признание религиозных чувств друг друга являются определяющими.

Благодаря межрелигиозному согласию и толерантности, которые должны стать базовой духовной ценностью, возможен переход на новый уровень взаимовыгодного межкультурного диалога.

Литература

1. *Зимовина Е.П.* Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX века / Е.П. Зимовина // *Население и общество: Бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.* М., 2003. № 103–104.
2. *Асанбаев М.Б.* Казахстан: потенциал религиозной конфликтности и факторы риска в развитии религиозной ситуации // *Центральная Азия и Кавказ.* 2006. № 6 (48). С. 87–100.
3. *Исмаилов Б.И.* Развитие систем стимулирования участия представителей национальных меньшинств в избирательном процессе в международном праве и правоприменительной практике зарубежных государств // Информационно-образовательный юридический портал “Все о праве”. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc2264p0/instrum6450/print6451.html> (дата обращения: 10.04.2018).
4. *Смирнов М.Ю.* Социология религии: словарь / М.Ю. Смирнов. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2011. 412 с.
5. Как появилось христианство в Казахстане: Редакционная статья // *Дін және заман (Религия и современность).* 2016. № 4 (8).
6. *Съезд лидеров мировых и традиционных религий: история, хроника, миссия / под ред. Е.Б. Муратбекова.* Астана: МЦКР МКС РК, 2015. 11 с.
7. *Исмагамбетова З.Н.* Дискурс толерантности: социокультурный аспект / З.Н. Исмагамбетова, А.Г. Карабаева // *Вестник Казахского национального университета.* Серия: Философия. Культурология. Политология. 2016. № 1.
8. *Султангалиева А.К.* Религия как часть социальных изменений в восприятии населения Казахстана

- на / А.К. Султангалиева // Социальный портрет современного казахстанского общества / под ред. А.К. Султангалиевой. Астана – Алматы: Институт мировой экономики и политики, 2015. 240 с.
9. *Алимова С.Б.* Амбивалентность религиозной самоидентификации казахстанцев // С.Б. Алимова / Альманах современной науки и образования. 2016. № 7 (109).
 10. *Исмаилов С.С.* Вопросы межконфессиональных отношений в Республике Казахстан / С.С. Исмаилов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 59–60.
 11. *Gill A.* The Political Origins of Religious Liberty / A. Gill. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 264 p.
 12. WIN-Gallup International “Religiosity and Atheism Index” reveals atheists are a small minority in the early years of 21st century” // Gallup International official site. URL: http://www.gallup-international.com/en/news/win_gallup_international_ae_religiosity_and_atheism_index_ae_reveals_atheists_are_a_small_minority_in_the_early_years_of_21st_century/14/ (дата обращения: 10.04.2018).